

Кружение сердца

Названы
лауреаты
премии
Станиславского

ВИТОР БАНИНОВ

Питерский «Дон Жуан» сыгран в стиле капустника. *Новое известие - 2004 - 19 окт. - с. 5*

Ольга Егшина

Именитое жюри под председательством Евгения Миронова назвало имена лауреатов премии Станиславского 2004 года. Среди награжденных Алиса Фрейндлих, ее немецкая коллега Ютта Лампе, драматург Людмила Петрушевская. В честь 10-летнего юбилея премии на сценах Москвы проходит международный театральный фестиваль «Сезон Станиславского», в рамках которого состоится мировая премьера – «Песнь песней» Эймунтаса Някрошюса.

Фестивальную программу составили лучшие московские спектакли прошлого сезона. Но для театралов важна была гастрольная программа. Вряд ли в намерения организаторов входил концептуальный отбор постановок, но три гастрольных хита посвящены «кружению сердца». Тут и любовные похождения Дон Жуана и любовные перипетии Мариво, и спектакль по библейской «Песне песней».

Первым было показано «Двойное непостоянство» Пьера Мариво (новосибирский театр «Глобус»), получившее «Золотую маску-2004» как «лучший спектакль малой формы». Пьер Мариво, чей блестящий литературный язык дал название целому стилю красноречия – «мариводаж», – редкий гость на российских подмостках. Дмитрий Черняков нашел удачный сценический эквивалент «лабораторной пьесе», где персонажи ставят увлекательный эксперимент, пытаясь искусственно «заразить любовью». За прозрачным стеклом воссоздан стерильный сказочный двор-аквариум, где Принц влюблен в пастушку Сильвию и хочет отвлечь ее от жениха Арлекина, а придворная дама Фламиния

должна увлечь Арлекина, чтобы он позабыл невесту. В размеренный мирок, где все говорят цивилизованным полусшепотом, помещены два юных дикаря! – с неуклюжими манерами, странными прическами, неадекватным поведением, грубыми голосами. Шаг за шагом их оболещают, приручают, влияют на их тщеславие, льстят их самолюбию, задевают то жалостью, то нежностью и в конце концов прибивают, как заразный вирус, новую любовь. Мариво заканчивает пьесу счастливым финалом соединения двух пар. У Дмитрия Чернякова после удачно проведенного эксперимента авторы полностью теряют интерес к своим подопытным кроликам – Сильвии и Арлекину. Напрасно они мечутся среди чужих и равнодушных людей, напрасно хватают за руки она – принца, он – Сильвию. Опыт закончен. Деловитые молодые люди разбирают павильон, скатывают ковер, уносят мягкую мебель. И тогда в отчаянии Арлекин запускает башмаком в зрительный зал. Бьется стеклянная перегородка, гаснет свет. Грация шахматной партии с логически просчитанными ходами взрывается этим финальным режиссерским ударом, переводя спектакль в иную смысловую плоскость.

Приехал в Москву и лауреат сразу нескольких «Золотых софитов» – «Дон Жуан» Мольера (петербургский Театр им. Комиссаржевской). Болгарский режиссер Александр Морфов добавил к мольеровскому тексту вкрапления из Тирсо де Молина, Байрона, Фриша, а также густо нашпиговал спектакль актерской отсебятиной. Постановка начинается ночной дракой, в которой Дон Жуан вопреки всем правилам и приличиям достает револьвер и убивает соперника (где там шпаге поперек огнестрельного оружия). Потом идет десятиминутная сцена утреннего пробуждения Дон Жуана (один из лучших и наиболее смысловых моментов спектакля). У Дон Жуана – Александра Баргмана с похмелья трещит голова и подкашиваются ноги. Заплетаются язык и скачут мысли. Трое слуг шаг за шагом превращают бесчувственное тело в элегантного соблаз-

нителя: стригут ногти, натягивают панталоны, камзол, парик. Дон Жуан, с отвращением глядя в зеркало, сочиняет себе лицо. Утро «соблазнителя» показано жестко, трезво и точно. Кажется, что наконец-то мы увидим Дон Жуана без романтического плаща и позы. Но эту «разоблачительную ноту» режиссер держит недолго, привычно заглушая ее развеселым капустником на темы рыбацкой деревушки, интрижек с сельскими красотками, погонями с переодеваниями, несостоявшейся дуэлью с братьями обманутой доньи Эльвиры.

Александр Баргман решает своего Дон Жуана как мужчину-кокетку, привычно строящего глазки всему, что рядом. Этот «севильский соблазнитель» легкомыслен, глуповат, фатоват. Он легко «играется» в предложенные обстоятельства и непринужденно кокетничает со зрительным залом.

Александр Морфов легко строит спектакль, как конвейер трюков, придумывая все новые «примочки» и забавы. Чего стоит хотя бы гробница командора, над которой возвышается многофигурная скульптурная группа с коленопреклоненными ангелами, голубями, святыми и праведниками. И все эти фигуры – о, ужас! – движутся. Одна кланяется, другая разводит руками, третья кивает головой. Такая гробница – посмертная механическая игрушка. И статуя командора, выписывающая забавный пируэт – часть конструкции. Ближе к финалу режиссер вспоминает о том, что «Дон Жуан» – самая философская комедия Мольера. Ритм замедляется, но смысл не появляется. Ради такого пустоватого молодца не стоит мертвым покидать могилы. И вот на помосте напротив Дон Жуана усаживается Командор, а сам соблазнитель печально как заведенный повторяет одну фразу: «Я верую, что дважды два – четыре». И при всем желании большей морали из спектакля Морфова не выжать.

Впереди же главное событие фестиваля – мировая премьера библейской «Песни песней», поставленной Эймунтасом Някрошюсом в вильнюсском театре Meno Fortas.